

Религиозная организация Русская Православная Церковь
Образовательное частное учреждение высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет» (ПСТГУ)

РЕЦЕНЗИЯ

на научно-квалификационную работу,

выполненную в Отделе типологии и сравнительного языкознания ФГБУН
Институт славяноведения РАН, аспирантки третьего курса, обучающейся по
направлению 45.06.01 «Языкознание и литературоведение», направленность
(профиль) 10.02.03 «Славянские языки», очной формы обучения

Алины Сергеевны АЛЕКСЕЕВОЙ

по теме

Отреченная словесность в восточно- и южнославянских рукописях XI–XVIII вв.: языковая вариативность и коммуникативные стратегии

Научно-квалификационная работа (НКР) А. С. Алексеевой представляет собой текстологическое исследование двух памятников славянской магической письменности — «Молитвы архангела Михаила», одной из разновидностей т. н. Сисиниевой легенды, и «Молитвы свв. Гурию, Самону и Авиву» из Указа о проскомисании Иоанна III, архиеп. Новгородского — с анализом лингвистических особенностей этих памятников в тех случаях, когда он помогает восстановить историю текстов. Таким образом, рецензируемая НКР вполне может быть отнесена к сфере лингвотекстологии, хотя эта дисциплина, сколь бы ни был спорен её статус, ни разу в ней не поминается, хотя **актуальность** работы самой А. С. Алексеевой определяется через «[с]овмещение текстологических и лингвистических методов исследования, не применяемое ранее к источникам данного типа [средневековых славянских магических текстов. — А. Г.]» (с. 4 НКР).

Работа состоит из краткого «Введения», в котором обозначены предмет исследования, его источники, сформулированы его цели и задачи, описаны применявшиеся методы и определена актуальность, приведены публикации по теме НКР, — а также из двух обширных глав, краткого «Заключения» и библиографии, включающей лишь список литературы; в приложении дана стемма к первой главе.

Первая глава «Сисиниева легенда в Южной Славии» посвящена подробному текстологическому анализу по сути только «Молитвы архангелу Михаилу» (а потому содержит лишь один параграф 1.1. «Молитва архангела Михаила», разделённый на подпараграфы), и этот анализ, включающий в себя скрупулёзный разбор взаимодействия известных и доступных списков молитвы, следует признать в высшей степени удачным. Основания, по которым группируются списки и реконструируются их общие источники, не дошедшие до нас, вызывают доверие: А. С. Алексеева, основываясь на изменениях в тексте, надёжно восстанавливает этапы его редактирования, — по меньшей мере в русле традиционной текстологии (правда, единственным теоретическим ориентиром для неё в этой науке оказывается Д. С. Лихачёв). Однако возникает закономерный вопрос: насколько применимы текстологические методы, разработанные для книжных памятников древнерусской письменности (и восходящие в конечном счёте к классической критике текста, базирующейся также на книжных текстах, прежде всего библейских), к текстам, которые находятся на стыке письменности и фольклора, — а именно магическим? Неслучайно ими занимаются прежде всего фольклористы (в частности, Сисиниевой легендой — Т. А. Агапкина). Представляется, что письменная фиксация таких памятников, как «Молитва архангелу Михаилу», является одной из стадий их бытования, пусть и довольно существенной: прагматические условия такого рода текстов, конечно, предусматривают их запись и рукописную трансмиссию, — но при этом исследователь не может непосредственно наблюдать механизмы их трансформации за пределами письменной формы. Если пользоваться общепринятой текстологической терминологией, то перед нами, безусловно, памятник «открытой традиции», более того — «сверхоткрытой», если можно так выразиться, то есть предполагающей довольно свободное варьирование текста и по содержанию, и по грамматическому оформлению, и по языку в целом, что свойственно в первую очередь фольклорным текстам.

Один из списков «Молитвы архангелу Михаилу», самый древний и представленный в необычной форме — в виде текста, процарапанного на свинцовой пластине, отдельно рассмотрен в параграфе 1.1.4 «Амулет из Варны», но этот раздел НКР А. С. Алексеевой невозможно оценивать, не имея в распоряжении фотокопии соответствующего амулета, доступной лишь в редком издании К. Попконстантинова и О. Кронштайнера, поэтому приходится воздержаться от оценки приведённых в нём палеографических интерпретаций. Судя по всему, этот памятник необходимо изучать заново — или *de visu*, или по современным цифровым фотокопиям, причём таким, которые бы представляли 3D-модель

амулета, благо соответствующие технологии в последнее время шагнули далеко вперед. Однако нельзя не сделать одного собственно лингвистического замечания — о некоторых чертах болгаро-македонского извода церковнославянского языка (с. 57), которые встречаются в памятниках в основном с XII в., хотя варненский амулет датируется публикаторами довольно рано — концом X или началом XI вв.: это относится прежде всего к мене юсов, а также, в меньшей степени, к смешению графем **оу** (**ѳ**) и **о**, **ы** и **и** (последнее смешение есть в единичных примерах Саввиной книги и Супрасльского кодекса, то есть в самых поздних памятниках старославянского «канона», при этом оно характерно также для более позднего сербского извода, а чуть ниже в НКР наличие этой черты в варненском амулете почему-то отрицается, см. с. 58). Ссылка на энциклопедическую статью А. Е. Супруна и А. М. Молдована в данном случае не совсем корректна, поскольку приведённые в ней графико-орфографические черты болгаро-македонского извода хронологически не дифференцированы. Возможно, опираясь на лингвистические данные, варненский свинцовый амулет стоит передатировать более поздним временем?

Вторая глава «Южная Славия vs. Древняя Русь: особенности трансмиссии» посвящена совсем иному по своей прагматике тексту — «Молитве свв. Гурию, Самону и Авиву», предназначенной для изобличения вора: хотя он также имеет фольклорные истоки, причём так же, как и «Молитва архангелу Михаилу», в византийской традиции на греческом языке, но включение его в официальный церковный чин, разработанный новгородским архиереем, повышает его статус до книжного. Как и в предыдущей главе, здесь довольно убедительно выстраивается текстуальная история памятника на восточнославянской почве и находятся убедительные параллели в южнославянской письменности. Тем не менее к лингвистической части этого исследования есть ряд частных замечаний.

Так, для слова *шкодьникъ*, отмеченного лишь в одном Софийском списке 1514 г., необоснованно предполагается его обычность для новгородского (?) языкового узуса («Однокоренная лексема *шкода*, будучи заимствованной из польского языка, обнаруживается в западнорусских памятниках не ранее кон. XV в. [со ссылкой лишь на этимологический словарь М. Фасмера. — А. Г.], поэтому есть все основания предполагать, что *шкодьникъ* появился на Руси в это же время», с. 72), тогда как в действительности однокоренная (с корнем германского происхождения) форма *шкодьливый* известна по западнорусским памятникам с 1420–23 гг. (Гістарычны слоўнік беларускай мовы, вып. 37, с. 131), *шкота* — с 1423 г. (там же, с. 127), однако в великорусских памятниках слова с

корнем *шкод*- фиксируются лишь со второй половины XVI в. (в посланиях Ивана Грозного и Андрея Курбского, согласно Старорусскому корпусу НКРЯ), поэтому можно предположить, что Софийский список молитвы восходит к западнорусскому антиграфу. На это также указывает наличие в «инструкции к молитве» в том же списке форм *четыри, тых* (вм. ц.-слав. *тѣхъ*), *вдрозгое* (ср. *вдругое*, что также характерно для «простой мовы») (с. 84). В связи с этим возникает вопрос о новгородском происхождении памятника: насколько вероятно, что в новгородскую рукопись начала XVI в. этот текст мог попасть вторично — через посредничество западнорусской книжности?

Вызывает сомнения и надёжность использования в качестве текстологического аргумента прилагательного *тълзъкъ*, которое связано не только с ю.-слав. рукописями, а из восточнославянских — исключительно с новгородскими: достаточно посмотреть его обилие в древнерусских памятниках письменности в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (т. IX, с. 337–338).

На с. 80 А. С. Алексеева придаёт чрезмерное значение ряду совершенно обычных для русской орфографии эпохи «второго южнославянского влияния» черт: «Необходимо отметить, что в молитве по списку Соф находятся также три орфографических явления, которые могут указывать на более ранний протограф: непрояснившийся редуцированный в приставке (*възвратили, сътворите*) и юс большой (*бждоу(т)*)», — естественно, ни о каком существенно «более раннем протографе» (хотя любой протограф по определению «более ранний»!) здесь речи идти не может, поскольку все перечисленные орфографические явления вполне могли быть привнесены как писцом 1514 г., так и любым русским писцом XV в., испытавшим «второе южнославянское влияние», на любой стадии рукописной трансмиссии текста.

Более существенны наши **замечания** к самой структуре представленной к защите НКР:

1) Прежде всего, в ней отсутствует какое-либо теоретическое введение. Остаётся непрояснённым, какие текстологические принципы исповедует А. С. Алексеева, что подразумевает под «отреченной словесностью» и «коммуникативной стратегией» (а ведь это терминологические сочетания, вынесенный в заглавие НКР). Если в первую могут включаться и библейские апокрифы, и такой неопределённый по составу памятник, как «Беседа трёх святителей», то лингвотекстологическое изучение этих жанров более чем распространено среди филологов-палеославистов и палеорусистов, в том числе современных, но никаких параллелей из соответствующих исследований приведено не

было. Кроме того, входили ли анализируемые автором НКР памятники в индексы ложных и отреченных книг? Таким образом, получается, что рецензируемая НКР совершенно не вписана в научный контекст изучения славянских памятников «отреченной словесности», кроме разве что опоры на исследования Т. А. Агапкиной, посвящённые тому же самому памятнику, который изучает А. С. Алексеева.

2) Неясны основания для анализа «языковой вариативности», поскольку при представлении двух памятников даже не сделана попытка определить из язык. На церковнославянском (и какого извода), старосербском или каких-то гибридных формах представлены списки «Молитвы архангелу Михаилу»? Какое место в системе древнерусской словесности с точки зрения языка занимает «Молитва свв. Гурию, Самону и Авиву»? Насколько чист (или гибридизирован) в ней церковнославянский язык? Из этой непрояснённости лингвистического статуса материала возникает и множество более частных замечаний к его анализу. Так, например, попытка объяснить искажение начала молитвы в хорватскоглаголическом списке: «...слово *sušica* имеет то же окончание, что лексема *вѣштица*, но местоимение *az* при условии их тождественности должно было бы располагаться за лексемой» (с. 29), — ставит вопрос о том, что вкладывает А. С. Алексеева в понятие «то же окончание» или в роль порядка слов в тексте.

3) Текст НКР изобилует опечатками, логическими сбоями (типа: «Рассказ о встреченной архангелом вештицы начинается с описания ее вештицы», с. 27), возможно, случайными ошибками: так, И. И. Толстой, автор знаменитого «Сербохорватско-русского словаря», в тексте, видимо, случайно назван именем сына — Н. И. Толстого, хотя в сноске стоят правильные инициалы (с. 33). Наконец, набор текста не выдержан чисто технически: выравнивание текста по ширине вдруг отключается на с. 49, и далее до конца всей НКР идёт выравнивание только по левому краю; на с. 63–64, 69–70, 76, 81, 84–87 имеются явные технические сбои с лишними пустыми строками и вертикально разбитыми цитатами, что крайне затрудняет чтение текста.

Очевидно, что техническая неустроенность текста и прочие формальные недочёты могут быть устранены при его редактировании, однако первые два принципиальные замечания могут быть учтены лишь в устном выступлении на самой защите НКР. Более чем вероятно, что А. С. Алексеева владеет всем терминологическим аппаратом и хорошо подкована в истории различных форм письменного языка Восточной и Южной Славии, так что предлагаю ей обосновать свою позицию как исследователя средневековых славянских магических текстов в ходе процедуры защиты, например в основном докладе по теме НКР.

Кроме того, нельзя не высказать рекомендации смелее коммуницировать с коллегами из других славянских стран, у которых хранятся необходимые списки исследуемых памятников и которые, например, обладают необходимыми словарными картотеками. Так, списки «Молитвы архангелу Михаилу» Дуй31-2, НБКМ273 и JAZU140, помянутые как «недоступные» (с. 8), можно было запросить в частной переписке у коллег из Софии и Загреба, а значение глагола *lišati se* в хорватскоглаголических памятниках — выяснить, обратившись к коллегам из загребского Старославянского института, расписавших большое количество соответствующих текстов.

Таким образом, представленная к защите в рамках государственной итоговой аттестации аспиранта научно-квалификационная работа А. С. Алексеевой «Отреченная словесность в восточно- и южнославянских рукописях XI–XVIII вв.: языковая вариативность и коммуникативные стратегии» в целом отвечает требованиям, выдвигаемым к исследователям-филологам, и заслуживает положительной оценки, но какой именно, будет зависеть от итогов представления результатов НКР на самой защите (с учётом всех высказанных замечаний) и от предполагаемой научной дискуссии вокруг темы рецензируемой НКР.

Рецензент:

канд. филол. наук, доцент,

профессор кафедры славянской филологии

историко-филологического факультета ПСТГУ

А. И. Грищенко

18-X-2021 г. от Р.Х.

